

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

С.А. Бурлак. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, 2011. 464 с.

Светлана Анатольевна Бурлак – старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат филологических наук, специалист по общему и сравнительно-историческому языкознанию.

Новая книга С.А. Бурлак посвящена когда-то очень популярной, потом забытой, а теперь вновь вошедшей в моду проблеме происхождения языка. «Число книг о происхождении языка, вышедших за рубежом за последние десять лет, превышает два десятка, количество же статей, разделов в книгах, докладов на конференциях и симпозиумах не поддается исчислению» (с. 12). В России за это время, правда, данная книга – лишь вторая (не считая явно дилетантских сочинений) после книги [Барулин 2002].

На первый взгляд, книга С.А. Бурлак не вполне соответствует заявленной тематике: главная ее тема – происхождение языка – специально рассмотрена лишь в предисловии и последней, шестой, главе и отчасти в пятой главе. Однако такое построение монографии ни в коей степени нельзя считать ее недостатком: сейчас уже очевидно, что происхождение языка – комплексная проблема, требующая учета современного состояния сразу нескольких научных дисциплин. Поэтому первая глава посвящена уникальным свойствам человеческого языка и его отличиям от «языков» животных, в том числе языков-посредников, которым удалось научить человекообразных обезьян в ходе языковых проектов, вторая глава – физиологии и нейрофизиологии человеческой речи, третья глава подытоживает современные данные о физической антропологии предков человека, в четвертой главе рассмотрены исследования коммуникативных систем животных, в пятой – современные эволюционные теории. Монография С.А. Бурлак не содержит полной

историографии вопроса, отсылая читателя к ряду имеющихся обзоров [Якушин 1984; Донских 1988; Николаева 1996]; изложены лишь концепции самого последнего времени. Однако при оценке книги, безусловно, надо учитывать ее место в многовековой истории попыток подступиться к происхождению языка.

Как известно, проблема происхождения языка волновала людей с глубокой древности, в Европе большинство наиболее известных гипотез (звукоподражания, договор между людьми и пр.) существовали еще в античности. Затем, после многовекового господства библейских представлений о создании языка, они возродились в XVIII в.: в этом столетии как никогда ни до того, ни после того проблема происхождения языка находилась в центре внимания. Например, Н. Бозе делил философию языка на три части: происхождение языка (на первом месте!), многообразие языков, анализ и сравнение языков [Пастернак 2011: 205]. Эта интеллектуальная традиция, строившая непроверяемые гипотезы о происхождении языка, была важным этапом в истории мысли, хотя, разумеется, такие построения никак не могли быть доказаны. И в том же веке примерно те же идеи высказывали без всякой связи с Европой и японские ученые; Судзуки Акира выделил четыре типа появления единиц языка: от подражания голосу животных, от подражания человеческому голосу, от подражания звукам природы и от изображения действий или состояний [Tokieda 1973: 151–152]. Видимо, круг возможных догадок здесь исходно ограничен.

Сформировавшаяся в XVIII в. традиция оставалась значимой вплоть до второй половины XIX в. Она была важной и для В. фон Гумбольдта. А появление сравнительно-исторического языкознания не только не снизило интереса к происхождению языка и «попытке

реконструкции первого типа языка», но прида-
ло ему новый импульс: Ф. Бопп во многом ра-
ботал ради приближения к решению этих про-
блем, и они еще долго оставались актуальными.
Идея о том, что компаративистика не может ре-
конструировать «первый тип языка», стала об-
щепринятой лишь между 1875 и 1880 гг. [Мейе
1938: 466], то есть вместе с победой позитивиз-
ма, когда лингвофилософская мысль от «науки
интуитивных построений» перешла к «стрем-
лению к столкновению с фактом» [Пастернак
2011: 140].

После этого тема происхождения языка бо-
лее чем на столетие была снята с научной по-
вестки дня. Исключение составила лишь со-
ветская наука 1920–1940-х гг., в которой она
пережила ренессанс. К проблеме происхожде-
ния языка обращались лингвисты (Н.Я. Марр,
И.И. Мещанинов, Р.О. Шор, Н.Ф. Яковлев и
даже В.Г. Адмони и Н.С. Державин), истори-
ки и археологи (В.К. Никольский, В.И. Равдо-
никас), философы (И.И. Презент), физиологи
(С.М. Доброгаев). Играли роль и обществен-
ный климат послереволюционной эпохи, спо-
собствовавший массовому интересу к нерешен-
ным глобальным вопросам, и популярность
«нового учения о языке» Н.Я. Марра, в кото-
ром видное место занимала данная проблема.
Но после разгрома марризма в 1950 г. проис-
хождение языка перестало изучаться и в СССР,
по крайней мере, лингвистами. Лишь в послед-
ние 15–20 лет ситуация начала меняться, боль-
ше на Западе, чем у нас.

До сих пор распространено сложившееся в
эпоху позитивизма мнение: данную проблему
«следует считать неактуальной для лингви-
стики вследствие ее неразрешимости» [Там
же: 84]. Действительно, мы не можем засвиде-
тельствовать появление какого-либо языка ни в
настоящем, ни в прошлом, и наука последнего
столетия также не получила никаких прямых
данных, что четко показано в книге С.А. Бур-
лак. Можно лишь выдвинуть на основе косвен-
ных данных разные гипотезы о том, как люди
начали говорить. К ненаблюдаемому процессу
формирования человеческого языка, видимо,
можно двигаться (не считая умозрительных
квазинаучных прозрений) четырьмя путями.
Это ретроспективный путь от известных язы-
ков более позднего периода, проспективный
путь от «языков» человекообразных обезьян,
подходы на основе аналогии (с формированием
детской речи, с коммуникативными системами
иных животных) и изучение останков перво-
бытных людей и их предков (гоминид).

Эти пути подробно исследуются в книге
С.А. Бурлак, и этим обусловлено детальное
рассмотрение в ней смежных проблем, по-
скольку без представлений об исходных точках

каждого из возможных путей нельзя понять,
как от них перейти к концепциям происхожде-
ния языка.

Из книги можно видеть, что менее всего в
наши дни популярен путь, преобладавший в
работах XIX в.: от древних или современных
языков в прошлое. Представление о возмож-
ности восстановить «первобытное» состояние
языка методами компаративистики было от-
брошено уже в XIX в., хотя отказ компаративи-
стов, начиная от младограмматиков, от изуче-
ния глоттогенеза считал недостатком не только
Н.Я. Марр, но и Э.А. Макаев [Макаев 1977: 15].
Помимо этого (в том числе и в советском язы-
кознании 1920–1940-х гг.), велись поиски ре-
ликтов первобытных состояний в современных
языках («лингвистическая палеонтология») и
постулировалось развитие языков от просто-
го к сложному (идеи, сформулированные еще
в XVIII в.). Однако критериев для выделения
реликтов найти не удалось, а единственным
критерием простоты и сложности оказывалась
степень морфологической сложности, осново-
полагающее значение которой было подверг-
нуто сомнению. Все это уже можно считать
прошлым науки. И никакое дальнейшее раз-
витие компаративистики тут не поможет: «Ре-
конструкции доступны лишь те языки, которые
не имеют принципиальных отличий от ныне
существующих, так что в реконструированном
всеобщем праязыке будут обнаружены слова,
состоящие из фонем, а не, скажем, “диффузные
выкрики”» (с. 156).

Новой попыткой использования реально
известных языков для построения гипотез о
происхождении языка, однако, стала идея об
анalogии между происхождением языка и фор-
мированием пиджинов и креольских языков
(до второй половины XX в. мало изученных).
Один из ее сторонников – Д. Бикертон; «пере-
ход от протоязыка к собственно языку Бике-
ртон уподобляет переходу от пиджина к кре-
ольскому языку» (с. 319), как и в пиджине, «в
протоязыке слова вовсе не взаимодействовали
друг с другом» (Там же), затем при образова-
нии креольского языка формируется граммати-
ка, то же могло быть и на ранних этапах фор-
мирования языка. Сходство «коммуникации
гоминид до появления настоящего языка» с
пиджином отмечает и Т. Гивон (с. 321). То есть
это – некоторая новая модификация старой
идеи о движении от простого к сложному. Но
насколько данная аналогия оправдана? Э. Даль
отмечает как раз в связи с проблемой преоб-
разования пиджина в креольский язык: «мы не
сможем засвидетельствовать, как некоторый
язык создается “с нуля”, без подготовки» [Даль
2009: 191]. Ни пиджин, ни креольский язык не
создаются с нуля, а используют материал уже

существующих языков обычного типа, чего не могло быть в период происхождения языка.

С другой стороны, сейчас гораздо активнее, чем раньше, стараются подойти к происхождению языка исходя из возможностей животных, прежде всего человекообразных обезьян (пусть они не являются прямыми предками человека, но ближе других стоят к ним). Так не делали в XVIII–XIX вв., но уже в СССР в 20–40-е гг. попытки в этом направлении бывали (С.М. Доброгаев, В.Г. Адмони и др.), однако они не были основаны на собственных экспериментах и сводились к попыткам приспособить к данной проблематике теорию условных рефлексов И.П. Павлова. Теперь же опыты с речевыми способностями человекообразных обезьян и некоторых других животных ведутся активно, у С.А. Бурлак дан их подробный обзор. При этом исследователи столкнулись с трудностями двоякого рода. Во-первых, «довольно быстро стало понятно, что они (обезьяны. – В. А.)... не могут освоить членораздельную звучащую речь.... Связано это прежде всего с тем, что по сравнению с человеком у обезьян (в частности, у шимпанзе) слишком высоко расположена гортань» (с. 83). Поэтому попытки научить обезьян звуковому языку были оставлены, а экспериментаторы начали учить человекообразных обезьян человеческому жестовому языку, и некоторые подопытные животные показали здесь особые успехи, как шимпанзе Уошо, ставшая, вероятно, самой знаменитой обезьяной в мире (в 2007 г. газеты разных стран публиковали ее некрологи). Как отмечает С.А. Бурлак, и они, и, например, попугаи (вопреки распространенному о них мнению) использовали полученные сложные навыки вполне сознательно (попугаев, в отличие от обезьян, можно научить звуковой речью).

Однако, во-вторых, самые успешные из животных обучаемы человеческой речи лишь до определенного предела. И в связи с этим С.А. Бурлак обращается к еще одному из возможных путей: к аналогии между происхождением языка и детской речью. Такой подход также имеет давнюю историю: у нас эти аналогии развивали Н.С. Державин, позже Н.Ф. Яковлев и Н.К. Никольский. Но лишь сейчас стало возможным сопоставление развития речи у детей и животных. «В описаниях достижений обезьян – участниц языковых проектов – часто говорится, что они овладели языком на уровне ребенка двух – двух с половиной лет. Проводились даже специальные эксперименты, где сравнивалась языковая компетенция антропоидов и маленьких детей, – результаты, показанные теми и другими, были вполне сопоставимы» (с. 38). Но на уровне ребенка двух – двух с половиной лет параллелизм заканчивается;

явно не случайно это как раз тот возраст, когда у детей формируется грамматика. У обезьян же движения от протограмматики к грамматике не наблюдается. В течение периода до двух с половиной – трех лет ребенок доходит до освоения основ грамматики, которые позволяют строить предложения; до конца дошкольного возраста «происходит дальнейшая отшлифовка грамматики, овладение трудностями фонетики и словообразования, нерегулярными моделями словоизменения, редкими синтаксическими конструкциями» (с. 79). Обезьяны же не доходят даже до конца первого этапа, не говоря о втором. С.А. Бурлак приходит к выводу: «Помимо уникально большого количества слов и уникально изощренных правил обращения с ними – и фонетических, и грамматических – существует немало черт, присущих человеческому языку, но не отмеченных в коммуникативных системах животных – ни в природе, ни в условиях эксперимента» (с. 69).

Итак, оказывается, что не имеющий прямых свидетельств этап появления человеческого языка находится между двумя этапами, о которых мы имеем достаточно много информации. Это этап речевых способностей если не прямых предков человека, то, по крайней мере, наиболее близких к ним животных и этап ранних языков современного типа (языков древнейших памятников или реконструированных еще более древних языков; поскольку вторые восстанавливаются по образцу первых, то существенной разницы здесь нет). А между ними остается многовековой провал, который пока что не заполняется.

Впрочем, некоторое заполнение существует. От далеких эпох, когда формировался человеческий язык, остались и материальные субстанции, найденные археологами и изучаемые антропологами. Их изучение началось в XIX в., а «знания об ископаемых гоминидах за последнее время значительно пополнились»; уже в XXI в. открыто не менее шести новых видов (с. 140). Найдены достаточно многочисленные останки явно различных гоминид, живших от 7–6 миллионов лет назад до эпохи около 200 тысяч лет назад, когда уже «в Африке жили анатомически современные люди» (с. 155). На с. 142 приводится одна из существующих версий эволюционного древа человека. Выделены и виды, которые могут считаться прямыми предками человека, и боковые тупиковые ветви, к которым сейчас относят и неандертальцев; поэтому «неандертальская система коммуникации – какой бы она ни была – не является системой, непосредственно предшествующей человеческому языку» (с. 152).

Однако «коммуникативная система не оставляет непосредственных следов, которые могли

бы быть обнаружены в ходе раскопок, поэтому о наличии языка у тех или иных ископаемых видов (точнее, о возможных свойствах их коммуникативной системы) приходится судить по косвенным данным» (с. 159). Прежде всего, это строение черепа и других частей скелета у ископаемых гоминид, например, по строению основания черепа пытаются выяснить, когда появилось опускание гортани, без которого, как упоминалось выше, невозможно формирование членораздельной звучащей речи. Однако выяснилось, что и у современных людей нет надежной корреляции между величиной изгиба основания черепа и положением гортани (с. 159), то есть точных способов установить время опускания гортани у гоминид пока не существует. Еще исследуют время появления прямохождения (оно считается необходимым условием формирования языка), объемы мозга у различных гоминид и т. д. То есть в самом лучшем случае можно получить какие-то данные о времени появления некоторых предпосылок формирования языка (или следствий из него). Кроме останков гоминид и первобытных людей, находят орудия их труда, но, во-первых, «тип орудий не имеет жесткой связи с видом» (с. 175), во-вторых, «орудия, вероятно, свидетельствуют скорее не о языке, а о когнитивных возможностях изготавливавших их видов» (с. 181). Еще, например, «многие авторы связывают с языком так называемые “предметы неутилитарного назначения”... Считается, что, если люди изготавливали такие предметы, у них должна быть способность к тому, чтобы производить и понимать знаки-символы, а чтобы эти символы передавать друг другу, нужен полностью развитый язык» (с. 197–198). Но и это достаточно гипотетично, как и ряд аналогичных рассуждений, приводимых в книге.

Таким образом, значительный прогресс, достигнутый в последние десятилетия в первобытной археологии, мало что дает языковедам, данные оказываются слишком косвенными. Археологические открытия, по-видимому, могут дать лишь один результат: сузить время предполагаемого появления языка до нескольких миллионов или даже до нескольких сотен тысяч лет.

Пожалуй, наиболее перспективными в данной области могут быть исследования структуры мозга у тех или иных гоминид на основе изучения структуры их черепа; их обзор дан на с. 173–176. Изучение речевых центров мозга, начавшееся еще в XIX в., в последние десятилетия обогатилось новыми открытиями, чему также уделено внимание у С.А. Бурлак во второй главе. Но эти открытия поставили под сомнение традиционные представления о зонах мозга: в их свете «можно говорить лишь о том,

что некоторые зоны мозга **предпочтительны** для определенных речевых функций, контролируют эти функции (выполняемые самыми разными структурами) в большей степени, чем другие» (с. 102). Трудно предположить, чтобы в древности было иначе. Но в любом случае, даже если мы смогли бы по косвенным данным восстановить время появления тех или иных зон мозга у предков человека, это опять-таки могло бы лишь еще несколько сузить временные рамки для допустимого периода формирования языка.

Итак, проблема происхождения языка остается неразрешимой, что, как и раньше, не препятствует выдвижению тех или иных гипотез. В связи с развитием ряда дисциплин (изучение коммуникации человекообразных обезьян и других животных, первобытная археология и палеоантропология, нейрофизиология, детская речь, генетика, исследование пиджинов и креольских языков и др.) эти гипотезы принимают во внимание большее число фактов и отбрасывают некоторые идеи прошлого, противоречащие современной науке или слишком расходящиеся с современными представлениями о мире. Например, сейчас вряд ли кто-нибудь из серьезных авторов будет развивать когда-то очень влиятельную идею об общественном договоре: она предполагала существование людей, обладавших всеми современными свойствами человека, за исключением языка. Современные более или менее авторитетные гипотезы описываются в шестой главе данной книги, затем С.А. Бурлак предлагает еще одну из них – собственную.

Автор книги, разумеется, отвергает идею о том, что «язык был дан человеку в готовом виде одномоментно высшими силами» (с. 309). Такая идея была преодолена еще в XVIII в., то есть в эпоху, когда европейская культура окончательно освободилась от религиозного сознания. Сейчас у нас она стала вновь популярной, однако вряд ли стоит пытаться ее опровергать рациональными аргументами, как это делает С.А. Бурлак. Идея о божественном происхождении языка имеет совсем не рациональные истоки.

Однако вопрос об одномоментности или длительности возникновения языка (как и иной, но связанный с ним, по крайней мере в одну сторону, вопрос о моногенезе и полигенезе) продолжает дискутироваться в науке. Идея о том, что «язык не может возникнуть иначе как сразу и вдруг» [Гумбольдт 1984: 308], существует уже два столетия, а сейчас в ее пользу привлекают данные генетики. Ряд авторов (Д. Бикертон, потом, правда, изменивший точку зрения, Т. Кроу и др.) считает, что «человеческий язык мог возникнуть в резуль-

тате единственной мутации» (с. 257). Сходна и точка зрения Н. Хомского, всегда исходившего из врожденности языковых способностей: «...возникновение языка, как кажется, с эволюционной точки зрения было достаточно внезапным и произошло в организме с очень большим мозгом, который образовался по какой-то причине, надо думать, путем какой-то реконструкции мозга» [Хомский 2010: 218].

Такую гипотезу (кстати, совместимую, в отличие от противоположной точки зрения, с идеями о получении языка «вышшими силами») С.А. Бурлак отвергает. «Перестройка речевого аппарата и формирование нужных мозговых структур и столь многочисленных, сложно устроенных и хорошо сбалансированных приспособлений в результате случайной замены нуклеотидов в молекуле ДНК не более вероятны, чем сборка самолета смерчем, пронесшимся по свалке» (с. 258). Она исходит из иных предпосылок: «Конкретную “точку” возникновения языка указать невозможно... примерно по тем же причинам, по которым для ребенка, усваивающего язык, невозможно указать конкретный “день овладения языком”» (с. 205). В обоих случаях между этапами, когда еще нет языка и когда уже есть язык, должен быть «континуум быстро сменяющих друг друга (и накладывающихся друг на друга) промежуточных коммуникативных систем» (Там же). То есть автор книги исходит из эволюционных представлений о происхождении языка, также широко распространенных, сейчас их отстаивает, например, Т. Гивон. Существуют и промежуточные концепции: С. Пинкер пытается совместить идею Н. Хомского о врожденности языка и представление о постепенном эволюционном формировании языка путем естественного отбора через накопление мелких мутаций (с. 323–324).

Среди эволюционных гипотез по-прежнему, как отмечается в книге, популярна идея о происхождении звукового языка из языка жестов. У нас она привычно связывается с именем Н.Я. Марра, но высказывалась она и раньше, а сейчас существуют гипотезы М. Корбаллиса, М. Томаселло и других. Формирование звукового языка, в соответствии с ними, шло от «эмоционального дополнения к значащим жестам» к полноценной коммуникативной системе, что было связано «либо с необходимостью общаться на значительном расстоянии, либо с желанием повысить собственный статус» (с. 316). Не вышла из употребления и концепция, основанная на роли звукоподражаний.

Среди других концепций, описанных в книге, концепции Т. Гивона, Т. Дикона, Р. Данбара, Н. Масатака, Дж. Байби, Дж. Морфорд, Э. Карстейрса-Маккарти, А.Н. Барулина и др.

С.А. Бурлак критикует многие из них; например, Э. Карстейрс-Маккарти исходит из параллелизма между структурой предложения и структурой слога, что не подтверждается данными афазий.

В итоге автор книги приходит к выводу: «Большинство высказанных гипотез в той или иной мере справедливы: действительно, жесты в роли носителя преднамеренной коммуникативной нагрузки предшествовали звукам, звукоподражания – знакам-символам, возникновению языка способствовал переход к передвижению на двух ногах, а также смена лесов саваннами, развитие коммуникативной системы было неразрывно связано с социальностью, а также с объединением речи и мышления и в итоге привело к формированию “врожденной языковой способности”. Но в то же время в каждой из них имеются и некоторые изъяны – одни не учитывают времени появления человека современного вида, другие – работы механизмов наследования, третьи – данных приматологии» (с. 352). Принимая во внимание все разнообразие точек зрения, С.А. Бурлак выдвигает, по ее мнению, «гипотезу, лишенную этих недостатков» (Там же).

Ее классификация глоттогенеза (с. 352–381) исходит из того, что предки человека к моменту перехода к жизни на открытых ландшафтах еще не имели языка, но уже «обладали достаточно развитой наблюдательностью и навыками делать выводы из своих наблюдений» (с. 352–353). Число их поведенческих программ возрастало, и «нужна была коммуникативная система, предоставляющая в распоряжение особей принципиально открытое количество возможных обозначений для любых элементов окружающей действительности, которые хотя бы потенциально могут оказаться релевантными» (с. 355). Потребовались сигналы-комментарии, которые поначалу могли и не быть звуковыми (рассматриваются комментарии у обезьян – участниц языковых проектов). Линия развития шла от невольных «сигналов» к явно выраженным, преднамеренным знакам. В пользу гипотезы о развитии языка как «коммуникативной системы – комментария» (с. 360) приводится то, что обычные люди (не лингвисты) «интуитивно считают язык системой ярлыков: слова – имена вещей, предложения – описания (именования) ситуаций» (Там же). Интуитивные представления такого рода могут отражаться и в теориях языка.

Далее коммуникативная система развивалась, сигналы могли изобретаться и перениматься путем подражания, обозначения одного и того же унифицировались, их первоначальная иконичность после многократного повторения утрачивалась. Затем «начинает воспро-

изводиться не весь сигнал целиком, а лишь его «опорные компоненты» (с. 370), что приводит к появлению двойного членения, членимости значимых элементов на незначимые части (признак, пожалуй, наиболее явно отличающий язык человека от «языков» животных); проводится аналогия с развитием иероглифики от пиктограмм к символическим знакам. Это привело к резкому росту числа знаков и к возможности создавать знаки не на базе реальных ситуаций, а через модификации уже существующих знаков. «Модификация знака путем добавления к нему другого знака порождает синтаксис» (с. 373); «модификация же знака путем изменения или добавления к нему элементов, не являющихся отдельными знаками, порождает морфологию» (Там же). Полученная таким образом система становится потенциально бесконечной.

Особо обсуждается вопрос, может ли такая система образоваться только на базе звуковой речи или же она была способна появиться на любой субстанции, включая жестовую. С.А. Бурлак считает «более вероятным, что первоначально в коммуникативной системе сочетались и жесты, и звуки, и мимика... поскольку главным для этой системы был не носитель сигналов, а расширение возможности делать выводы об окружающем мире» (с. 375). Она принимает гипотезу М. Томаселло о том, что звуки первоначально играли роль эмоционального дополнения к жестам, но потом коммуникативная система постепенно превратилась в звуковую.

Безусловно, данная гипотеза займет место среди других современных гипотез о происхождении языка. Она учитывает самый разнообразный материал различных дисциплин, в том числе, пожалуй, больше, чем другие подходы, проводит аналогии с устройством современных языков и представлениями их носителей. Однако (что, конечно, понимает ее автор) и это – лишь гипотеза, обладающая правдоподобностью, но не доказуемая. Современные подходы к происхождению языка, разумеется, ушли далеко вперед от наивных, с нашей точки зрения, представлений XVIII–XIX вв. и пер-

вой половины XX в., но доказать их по-прежнему не представляется возможным, что четко показано в данной книге. Но это не означает, что проблему «следует считать неактуальной для лингвистики»: многие ученые продолжают ломать голову над возможностями ее решения. Ценность книги С.А. Бурлак заключается, прежде всего, в добротном и детальном обзоре таких возможностей, но и ее собственная точка зрения вносит в них вклад. Книга, безусловно, найдет своего читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барулин 2002 – А.Н. Барулин. Основания семиотики: Знаки, знаковые системы, коммуникация. Ч. 1. М., 2002.
- Гумбольдт 1984 – В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Даль 2009 – Э. Даль. Возникновение и развитие языковой сложности. М., 2009.
- Донских 1988 – О.А. Донских. К истокам языка. Новосибирск, 1988.
- Макаев 1977 – Э.А. Макаев. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.
- Мейе 1938 – А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Николаева 1996 – Т.М. Николаева. Теория происхождения языка и его эволюции – новое направление в современном языкознании // ВЯ. 1996. № 2.
- Пастернак 2011 – Е.Л. Пастернак. Формирование основных направлений французской лингвистической мысли XVIII века. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2011.
- Хомский 2010 – Н. Хомский. О природе и языке. М., 2010.
- Якушин 1984 – Б.В. Якушин. Гипотезы о происхождении языка. М., 1984.
- Tokieda 1973 – М. Tokieda. Kokugogaku-shi (История японского языкознания). Tokyo, 1973.

В.М. Алпатов

Сведения об авторе:

Владимир Михайлович Алпатов
Институт востоковедения РАН
v-alpatov@ivran.ru